

Примечания

- ¹ Kratka istorija jedne knjige. Izbor napisao Hazarskom recniku Milorada Pavića. Beograd, 1991. С. 28. Здесь и далее перевод мой. — *Е. Ш.*
- ² *Павич М.* Страшные любовные истории. СПб, 2006. С. 23.
- ³ Там же. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 28.
- ⁵ Там же. С. 111.
- ⁶ Там же. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 82.
- ⁸ Там же. С. 108.
- ⁹ Там же. С. 118.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 42–43.
- ¹² Там же. С. 113.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Там же. С. 49.
- ¹⁷ Там же. С. 50.
- ¹⁸ Там же. С. 106.
- ¹⁹ Там же. С. 113.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.13

А. В. Бырина

Особенности поэтики романа Павла Виликовского «Первая и последняя любовь»

Роман Павла Виликовского «Первая и последняя любовь» (2013) состоит из двух частей: «На левом берегу памяти» и «Четвертая речь». В центре внимания писателя — человек. Однако личная драма героя первой части, успешного фотографа Камила, потерявшего интерес к фотографии и занятого поиском нового смысла жизни, интересует писателя в более широком смысле. Это также поиск смысла жизни всех современников Камила. Повествование ведется в двух

временных контекстах: жизнь в современном мире, которую Камил не понимает и понимать не хочет, и его прошлая жизнь — мир его воспоминаний.

Жизнь новая полна незнакомых, неприятных вещей. Например, раньше Камилу никогда не приходилось знакомиться со спонсорами. Когда же ему представляют такого спонсора, Камил всеми силами пытается найти в нем что-нибудь отталкивающее. И найти не может. Спонсор оказывается не чудовищем, а приятным и учтивым человеком. Дабы не расставаться со своими иллюзиями, Камил старается обидеть спонсора, спровоцировать его, заставить показать свое истинное лицо (которое, по мнению Камилы, обязательно должно быть).

Другое дело — мир его детства и юности. Камил встречает одноклассников — и его зрение превращает немного безумного пьяного господина в кудрявого мальчугана, а ухоженную (но уже не молодую) женщину — в девочку-подростка, в которую он был когда-то влюблен. Герой едет в родной город своей няни, ищет ее дом. Сквозь современный вид улиц в его воображении проступают улицы прошлого. Он будто разглядывает их на старинных фотографиях. Все это помогает ему понять, почему он, будучи еще подростком, принял решение стать фотографом. Но вновь он начинает фотографировать, лишь обнаружив могилу няни, выросшей его, то есть отыскав во внешнем мире доказательство того, что Рези, чье лицо он никак не мог вспомнить, все-таки существовала.

Вторая часть, обозначенная автором как рассказ, имеет более сложный характер. Виликовский обнажает повествовательскую стратегию, заигрывает с читателем, то и дело повторяя, что история его героя — литература и фикция.

Повествователем второй части является бывший учитель словацкого языка Габриэль. Это фиктивный герой, герой-функция. О фиктивности Габриэля Виликовский заявляет уже на третьей странице рассказа: «Этот мужчина не настоящий, это персонаж из рассказа. Мы могли обозначить его как героя, так делают, но мы его так не назовем, поскольку

ку в нем нет ничего героического. Его будут звать Габриэль, чтобы мы его не спутали со всякими Йозефами, Мартинами или Паволами, которых у нас имеется в изобилии. С Даниэлями, Патриками и Кевинами мы бы его не перепутали: он для этого слишком стар»¹. Однако автор достаточно подробно описывает прошлое Габриэля, его симпатии, личное мнение относительно услышанного. В этой части романа речь вновь идет о поиске собственного Я. И тем интереснее, что этими поисками занят тот, в чьей фиктивности Виликовский пытается заверить своего читателя.

Габриэль фиксирует на бумаге чужие воспоминания. Он верит, что подлинная история существует лишь в устных свидетельствах очевидцев, а история, написанная учеными, — «буквы на бумаге»², ведь для нее существуют лишь народные массы, и нет отдельного человека. Настоящая же история живет в словах тех, кто был ей свидетелем. Поэтому, делая свои записи, Габриэль как бы заставляет страшное прошлое исчезнуть, превращает его в литературу, то есть в фикцию. Исторические события, которые собирает Габриэль, объединяет жестокость сильных и бессилие слабых: жизнь в России времен Первой мировой войны, последовавшие после ее окончания политические изменения, наступление фашистского режима в Словакии и вершина жестокости — холокост. Героя мучает вопрос, как вообще люди могут жить дальше, зная, что произошло что-то подобное.

Связующей нитью двух частей романа, по мнению Л.Ф. Широковой, является возникающий и во второй части романа образ няни, выростившей эмигранта. Габриэля также преследует неуловимый женский образ — уведенная в Освенцим Эма Шлезингер, облик и характер которой он пытается вообразить и домыслить.

При анализе текстов Павла Виликовского стоит, в первую очередь, обращать внимание на название произведения. Название второй части «Четвертый язык», пишет Л.Ф. Широкова, объясняется уже в эпиграфе³: «Прессбург — был трехязычным городом. Четвертым языком было молчание»⁴. Исследовательница отмечает, что сюжет развивается

по двум параллельным линиям: условно «правдивой» (рассказ старого русского эмигранта о пережитом во время гражданской войны) и условно «вымышленной», описывающей жизнь Габриэла, который записывает рассказ старика.

Другим аспектом, на котором критика сосредоточивает свое внимание, является прочтение какого-либо произведения Виликовского в контексте творчества писателя в целом, исследование метатекстуальных связей между произведениями автора. Так, Петер Мраз, например, пишет, что романы «Первая и последняя любовь» и «Мимолетный снег» (2014) объединяет проблема силы или бессилия слова, которая прослеживается уже в самом первом произведении писателя⁵.

Исследователи Ладистав Чузы⁶ и Марта Соучкова⁷ сходятся во мнении, что Виликовский, оставаясь верным себе, ведет в романе «Первая и последняя любовь» диалог-дискуссию с читателем, предлагает ему сотворчество. Данного эффекта он добивается путем «обнажения» стратегии повествования, всячески подчеркивая, что речь идет исключительно о литературе. Этой же точки зрения придерживается и Л.Ф. Широкова.

Виктория Киссова⁸ добавляет, что поэтике Виликовского свойственна фрагментарность, недосказанность, и это побуждает читателя стать соавтором, заполнить пустоту, на что он имеет полное право. Таким образом, говорится в статье Владимира Петрика, среди всех современных прозаиков Павел Виликовский выделяется не только тем, о чем он пишет, но и тем, как он пишет⁹.

Примечания

¹ *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. Bratislava. Slovart. 2013. S. 141. Здесь и далее перевод мой. — А. Б.

² *Ibid.* S. 139.

³ *Широкова Л.Ф.* Роман в словацкой литературе XXI в: модификации жанра, автор, герой. Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века. М., 2014. С. 316–337.

⁴ *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. S. 137.

⁵ *Mráz P. Pavel Vilikovský: Letmý sneh*. (Recenzia). Slovenské pohľady. roč. 4. + 131. 2015. č. 9. S. 111–112.

⁶ Čúzy L. Pavel Vilikovský: Prvá a posledná láska. Slovenské pohľady. roč. 4. + 129. 2013. č. 11. S. 126–128.

⁷ Součková M. Menej sa čudovať, stále žasnúť. Pavel Vilikovský: Prvá a posledná láska. Bratislava: Slovart. 2013. Bratislava. Romboid 8. 2014. roč. XLIX. S. 63–65.

⁸ Kísová V. Pavel Vilikovský: Vlastný životopis zla. Slovenské pohľady. 2010. č. 4. S. 120–122.

⁹ Petřík V. Zlo v nás a mimo nás (Pavel Vilikovský: Vlastný životopis zla). Bratislava. Romboid 2. 2010. ročník XLV. S. 27.